

Леонид Соловьев

Цепи

Леонид Соловьев

Цепи

«ФТМ»

1936

Соловьев Л. В.

Цепи / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1936

ISBN 978-5-457-12082-2

«... – Вот здесь, – сказал он, – я нашел в ту ночь два больших камня и попробовал разбить свою цепь. Я колотил долго – по железу, по своим пальцам; камни были скользкими от моей крови, а цепь оставалась по-прежнему целой, я только помял два или три звена... Голос его дрогнул, тень легла на рябое коричневое лицо. Сузив монгольские косые глаза, приземистый и широкогрудый, он пристально смотрел вниз, точно искал на белой каменистой дороге засохшие следы своей крови. – Я покажу тебе эти цепи, товарищ; они висят на стене в моем доме и охраняют мою душу от неправильной жалости. Если придется мне оступиться и пожалеть врага, я взгляну на цепи и скажу самому себе: "А помнишь, Саид, как они жалели тебя?..." ...»

ISBN 978-5-457-12082-2

© Соловьев Л. В., 1936

© ФТМ, 1936

Содержание

Леонид Соловьев	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Леонид Соловьев Цепи

Мы возвращались в кишлак берегом арыка, мимо полей, прошитых зелеными нитками хлопковых всходов, – упругие и сочные, они обещали колхозникам редкий урожай. На урюковых деревьях высыпало такое множество завязи, что садоводы заранее ставили подпорки, – иначе хрупкие ветви обломятся под тяжестью плода. Обильная, густо насыщенная глиной вода, журча и булькая, провожала нас: в горах не было холодных ветров, ледники таяли хорошо, и земля пила досыта. Мы шли мимо старинных гробниц и мечетей – вода подтачивает их снизу, а ветер – сверху; облезают черные конские хвосты, повешенные на жердях перед входом. Население забросило святые места, и они охраняются только аистами, чьи огромные гнезда чернеют на древних мертвых деревьях.

Спутник мой, председатель Октябрьского колхоза Саид Фазиев, остановился на перекрестке двух полевых дорог.

– Вот здесь, – сказал он, – я нашел в ту ночь два больших камня и попробовал разбить свою цепь. Я колотил долго – по железу, по своим пальцам; камни были скользкими от моей крови, а цепь оставалась по-прежнему целой, я только помял два или три звена...

Голос его дрогнул, тень легла на рябое коричневое лицо. Сузив монгольские косые глаза, приземистый и широкогрудый, он пристально смотрел вниз, точно искал на белой каменистой дороге засохшие следы своей крови.

– Я покажу тебе эти цепи, товарищ; они висят на стене в моем доме и охраняют мою душу от неправильной жалости. Если придется мне оступиться и пожалеть врага, я взгляну на цепи и скажу самому себе: «А помнишь, Саид, как они жалели тебя?..»

Ниже – история жизни Саида Фазиева, записанная с его слов.

Отец его Файзи Мухаммедов до сорока с лишним лет был одержим каким-то суевливым, непонятным для односельчан беспокойством. В памяти Саида сохранились вечера в чайхане, куда собирались мужчины, окончив дневные труды. Теплый ветер покачивает фонарь; в клетках, почуяв весну, кричат перепела, им отвечают другие – с полей; босой чайханщик неслышно разносит пестрые чайники; чинно и тихо, умиротворенным полусшепотом беседуют гости, и только один глухой, сиповатый голос, иногда прерываемый кашлем, все гудит и гудит встревоженно, смятенно – голос Файзи Мухаммедова. Он хочет знать, сколько верст до самой близкой звезды и велика ли эта звезда; если велика, то живут ли на звезде люди и как они живут – счастливее нас или хуже, если счастливее, то нельзя ли перенять у них порядки и законы? Никто не отвечает ему, не переспрашивает, а он все гудит и гудит, задавая вопросы самому себе – точно в пустыне. Плечи его подрагивают, глаза бегают, он беспрерывно почесывается, он весь в каком-то странном мелком движении – даже шевелятся пальцы босых и грязных ног. Мысли его текут беспорядочно – через минуту он уже забыл о звезде и начинает новый разговор: будущей весной он собирается идти в горы на поиски

золота. Ему нужно двести рублей, чтобы начать торговлю сахаром, чаем и керосином. Он купит большую крытую арбу, лошадь и поедет со своим товаром в самые далекие кишлаки, все обменяет на шелк, а потом в городе продаст этот шелк с большой прибылью, снова купит товару и снова поедет в далекие кишлаки уже на двух арбах. Соседи неодобрительно молчат – они знают, что Файзи Мухаммедов с юношеских лет батрачил у потомственного почетного гражданина бая Мулло-Умара, одного из шести владельцев всей кишлачной земли, и что никогда не пойдет он в горы мыть золото, и никогда не будет у него двухсот рублей, необходимых для начала торговли.

Так оно, конечно, и вышло: Файзи Мухаммедов не открыл никакой торговли и к пятидесяти годам обрел, наконец, душевный покой. Его просветил и научил мудрости святой ишан Аннар-Мухаммед-оглы, что жил близ мечети, на взгорье, в старинном тенистом саду. Ишан объяснил Файзи тайный и страшный смысл трех букв – алиф, лам, мим, которыми начинается вторая сура корана: «Эти люди, обменивающие истинный путь на заблуждение и прощение божие на кары его; как перенесут они адское пламя?» И еще: «Алиф, лам, ра... Зачем будешь ты хлопотать у двери и устраивать мягкое ложе, если завтра дано тебе войти в самый дом?..» С тех пор глухой встревоженный голос не нарушал больше умиротворенную тишину чайханы; с тех пор Файзи Мухаммедов стал частым гостем в мечети, и мулла даже ставил его в пример другим, менее радивым прихожанам. Слухи о благочестии Файзи дошли до хозяина – потомственного почетного гражданина Мулло-Умара, и хозяин приблизил его к себе, переведя работать с полей в дом.

Вечером, когда опадала жара и тень от высокой балаханы накрывала прохладой весь двор, хозяин по-домашнему, в белой длинной рубаше и без чалмы, спускался по лесенке вниз, чтобы вместе с Файзи выпить под виноградником чаю. Саид прислуживал им – кипятил кумганы, бегал на женскую половину за лепешками, подавал чилим и слушал мудрые нетопливые разговоры.

– Кто же из нас попадет в рай – как думаешь ты, Файзи? – спрашивал хозяин. – Что же ты молчишь? Ты ведь, наверное, думал об этом, Файзи?

– Я много думал, хозяин. Мне легче пройти в рай, потому что я беден и много терпел. Но ты благочестив, хозяин, ты строго соблюдаешь посты... Если бы ты больше помогал бедным, тогда тебя даже на одну секунду не задержали бы перед входом.

– А разве я мало помогаю бедным? Разве ты видел когда-нибудь, чтобы я прошел мимо нищего, не бросив ему монету? Разве я мало помогаю тебе, Файзи? Разве халат на твоих плечах – это собственный твой халат? Разве хлеб, который ты ешь, родится не на моей земле?

– Ты мой благодетель, хозяин, ты утешил меня на старости лет.

– Я утешу тебя еще больше, Файзи. У меня есть твои долговые расписки, я порву их и прощу тебе весь долг, до последней копейки.

– Хозяин, ты пройдешь в рай впереди меня!

Они беседовали дотемна. В небе загорелись первые звезды. Хозяин говорил, потягиваясь и зевая:

– Я что-то устал сегодня, Файзи. Сходи в мечеть и помолись за нас обоих, только обязательно предупреди муллу, что молишься за обоих. Вот тебе пятнадцать копеек, раздели их от моего имени поровну между нищими, и пусть они при тебе помолются за меня. Ты слышишь, Файзи? Пусть они обязательно молятся при тебе: нищие все жулики, им доверять нельзя.

Хозяин уходил на женскую половину, где его смиренно ждали пять жен, и, пока он забавлялся с четырнадцатилетней любимицей, преданные ему Файзи Мухаммедов и нищие гнусавым нестройным хором просили в мечети о здравии и долголетьи для него в этой жизни и о вечном блаженстве в будущей.

Был у хозяина сын Рахим, бледный и тихий мальчик, боявшийся всего – лошадей, собак, даже кур. Саид в первый год своей жизни на хозяйском дворе встречал его только на

женской половине – он был всегда один и скучно играл, пуская щепки и листья по течению арыка, что шел через двор к приусадебному винограднику. Саид, звонко шлепая босыми пятками, мчался мимо с горячими лепешками, с чайниками Рахим испуганно сторонился и ни разу не остановил Саида, даже не крикнул ничего вдогонку. Одет мальчик был всегда одинаково – в желтый халатик, подпоясанный расшитым платком, в мягкие сапожки, и только бархатные тюбетейки были у него разные: одна – зеленая с красной кисточкой, а другая – красная с зеленой кисточкой.

Этот мальчик был очень одинок и беспомощен. Казалось, он всегда готов заплакать. Саид пожалел его. Из мягкого тополевого дерева Саид сделал водяную вертушку и, выбрав жаркий, послеобеденный час, когда все в доме спали, отправился к мальчику на женскую половину. Солнце раскалило каменные плиты двора – босиком не ступить. Саид пробирался по узкой полоске тени, прижимаясь к стене. Увидя Саида, хозяйский сын подумал, что к нему подкрадываются; губы его дрогнули, скривились, он крикнул тонко и слабо, по-птичь. У Саида оборвалось сердце – сейчас прибегут! – но, к счастью, хозяин, все жены его и родственники спали крепко: никто не услышал.

– Не кричи, – сказал Саид, – я тебя не ударю. Это не палка, это мельница; посмотри, она будет вертеться в арыке.

Он опустил мельницу в воду, и колесо сейчас же завертелось, все быстрее, быстрее, пока частые лопасти его не слились в один зыбкий круг. Хозяйский сын никогда не видел такого чуда. Лопасти били по воде, вздымая гладкий стеклянный бугор, закручивая воронки, которые плыли, нагоняя одна другую, сливались вместе и медленно таяли на спокойном течении. Рахим, подобрав полы халатика, присел на корточки, чтобы лучше видеть удивительную мельницу, но вода вдруг сорвала колесо и понесла к черной дыре под стеной, куда с гулом проваливался арык. Рахим всплеснул руками, заплакал.

– Ничего! – крикнул ему Саид (он был уже на заборе). – Ничего, я поймаю! Не плачь!

Он спрыгнул в горячую пушистую пыль дороги, помчался в обход, чтобы перехватить колесо у виноградника, всполошил собак, дремавших в тени, разогнал всех кур и меньше чем через минуту вернулся обратно, запыхавшийся, мокрый до пояса.

– Поймал! – еще издали с торжеством крикнул он.

И тогда Рахим в первый раз улыбнулся. Саид послал его в комнату за гвоздями и веревочкой, вдвоем они прочно укрепили колесо на палке, и снова завертелась мельница, блестя под солнцем мокрыми лопастями.

С тех пор они ежедневно сходились вместе в жаркие послеобеденные часы всеобщего сна. Саид уводил Рахима с накаленного каменного двора в свои просторные владения – в поля, в сады, на главный арык. Там у Саида было большое хозяйство: птичьи гнезда в кустах, кротовьи норы в земле, ежиный дом в дупле ивы, что стояла на самом выходе из кишлака. Еж был старый, большой и сердитый, а мальчики дразнили его, стуча камнями по дереву, выволакивали из дупла, купали в арыке, потом в пыли и, натешившись вдоволь, всякий раз бережно укладывали его обратно в дупло. И, странное дело, еж никак не хотел переселиться в другое место, куда-нибудь подальше от озорников; так и жил в своем дупле, подвергаясь каждый день беспокойствам и опасности утонуть, если мальчики недосмотрят и течение утащит его к водосбросу. Потом мальчики бежали на мельницу; там встречал их мельник Азиз и, преисполненный почтения к хозяйскому сыну, поил его, а заодно и Саида терпким зеленым чаем и тут же на углях пек лепешку из свежей муки, взятой прямо под жерновом. Через прохладный пахучий сумрак мельницы наискось текла широкая ровная полоса пыльного света, гулко и полно шумела внизу вода, жернова ходили весело, плавно, с гудом. На мельнице всегда ютилось множество горлинок, они, поминутно пересекая полосу света, с шелковым шелестом крыльев перелетали с места на место, ворковали – некоторые громко,

некоторые затаенно, и казалось от этого, что над крышей, так же как и внизу, непрерывно поет вода – светлый ручей на мелкой солнечной гальке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.